

A photograph of a motorcycle in a field at dusk. The motorcycle is on the left, with its front wheel and handlebars visible. The background is a grassy field under a twilight sky with soft colors. A tent is partially visible on the right side.

Майя Новик

Паломники

повесть

Майя Новик

Паломники. Повесть

«Издательские решения»

Новик М.

Паломники. Повесть / М. Новик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934827-2

Увы, жизнь состоит не только из рассветов и закатов, удовольствия от скорости и поездок на дальние расстояния. Иногда Бог посылает и испытания. Что делать человеку? Можно лечь умирать, а можно навьючить мотоцикл и отправиться в дорогу, надеясь, что все тот же Вездесущий Господь направит твои колеса куда следует.

ISBN 978-5-44-934827-2

© Новик М.
© Издательские решения

Паломники Повесть

Майя Новик

«Жизнь порой бьет, но эти удары – лекарство»
Петр Мамонов

© Майя Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-4827-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога оставалась прежней. Шоссе летело вперед, на спусках захватывало дух и начинало сладко нить под ложечкой, а на подъемах, чтобы не снижать скорость, приходилось то и дело щелкать коробкой передач. Дорога «держала», вела все дальше и дальше, не давала расслабиться. Лучше не думать. Лучше вообще ни о чем не думать. Да и когда ворочать мозгами, если надо во что бы то ни стало обогнать вон тот красный седан? А еще лучше – вот этот черный, грозный внедорожник, до самых окон заляпанный грязью, который, кажется, никуда и не торопится?

Затем надо аккуратно вписаться в крутой поворот, чуть завалив «Ямаху» на бок и поддав газу. Выровнять его, сильной рукой удержать на дороге, чтобы пошатнувшийся мотоцикл не сдуло порывом ветра от встречной фуры.

– Отлично! – бормотал он сквозь зубы. – Главное, не думать. Ни о чем не думать. Все будет хорошо!..

Двигатель «Ямахи» пел обычную песню дороги. На мостах и эстакадах она прерывалась отчетливой барабанной дробью эха от ограждения и почти стихала, когда мотоцикл шел накатом, чтобы потом, когда водитель тронет ручку газа, снова взорваться победным рокотом.

Стоило отъехать от города каких-нибудь триста километров, как дождь закончился, тучи ушли на восток, за спину, и скрылись с глаз, стоящее в зените солнышко начало припекать, пришлось остановиться и снять дождевик.

И все-таки что-то изменилось в дороге. Теперь она была равнодушной к нему. И все чаще казалась неприветливой. Вернулась тревога. На самом деле тревога и не уходила никуда, просто за повседневными заботами Авдей спрятал ее так далеко, что и себе, и другим казался спокойным, даже равнодушным.

Зря они собрались так далеко. Или не зря?

Глянул в зеркало заднего вида. Кира, все еще затянутая в черный дождевик, теперь догнала его и неотступно следовала за ним на своем ярко-синем «Сузуки», висела на хвосте, не отставала. Да и когда она отставала? Всегда рядом. И как только поспедала на своем задыхалике? Не понятно. Он как-то пытался поехать на ее мотоцикле, но быстро сдался. Двигатель слабоват, на обгон путем не пойдешь, того и гляди, помрет не вовремя. Да ну на фиг. А ей, – надо же! – нравится.

Авдей включил поворотник, притормозил, убедился, что жена заметила маневр, окончательно сбросил скорость и направил мотоцикл на обочину шоссе. Надо было размяться, да и Кире наверняка надо снять дождевик.

– Ну как ты? – спросил, когда она, заглушив мотоцикл и подпрыгивая на одной ноге, слезла с высокого эндуро и подошла, стягивая перчатки и подняв стекло открытого черного шлема.

Лицо Киры скрывал подшлемник, и она стянула его вниз, чтобы можно было разговаривать. Серые глаза блестели, выдавая лихорадку. Губы из розовых стали ярко-красными, на щеках разгорелся румянец.

– Да что-то не очень, – с нездоровой хрипотцой ответила Кира.

Авдей взял жену за руку. Рука была горячее. Очень горячее.

Нехорошо.

– Лекарства-то есть?

Кира виновато вздохнула.

– Ну что-то есть.

– До вечера продержишься?

– А куда я денусь? Да нормально все, Авда, только горло болит. На ночевку остановимся пораньше, ладно?

– Конечно, – Авдей приобнял жену, на всякий случай оглянулся на дорогу, нет ли машин. А то мало ли что могут про них подумать. Стоят два мотоциклиста, обнимаются. Народ нынче такой пошел: сначала поколотят, а потом разбираться будут, где тут кто!

Машин не было.

Сейчас, когда Авдей прижал к себе жену, стало видно, что он на голову выше нее, намного шире в плечах. Кира была рядом с ним просто ребенком из детского сада – невысокая, тоненькая. Авдей наклонился к жене, стукнулся шлемом о ее шлем, потерял носом об нос.

– Не раскисай! Все будет нормально. Обещаю.

День начинался неплохо. Выехали из гаража они, правда, поздно – в одиннадцать и сначала попали под дождь. Но теперь-то погода налаживалась! Чтоб ей пусто было, этой продавщице! На фига она дала холодную фанту? Кира же просила теплую дать!

В глубине души Авдей знал, что дело не в заупрямившейся продавщице, которой, может быть, просто не понравилась красивая мотоциклистка в сопровождении синеглазого мужа. Дело в том, что Кира нездорова. Не было б холодной фанты, которую она едва пригубила, было бы что-нибудь другое: ледяная ночь, ливень, промокшая от пота футболка и ветерок...

– Дождевик снять не хочешь?

– Нет, – Кира дурашливо скривила губы, поежилась, и Авдей снова обнял ее.

– Вспотеешь.

– Тогда и переоденусь, а сейчас мне что-то... не жарко. Рвем дальше?

– Рвем, – Авдей поддернул вверх собачку молнии на дождевике жены, выпустил из объятий.

Заднее колесо мотоцикла чуть провернулось на влажной обочине.

Кира обогнала мужа, какое-то время ехала впереди, но затем Авдей вывернул рукоять газа и легко оставил позади маленький эндуро.

Кира какое-то время ехала, глядя, как удаляется мотоцикл Авдея, и красные вставки на куртке мужа становятся неразличимыми, а потом тоже добавила газу, догнала и поехала сзади.

За «Ямахой» Авдея по асфальту бежал солнечный зайчик – от зеркала заднего вида, на ветру развивались ремешки пристегнутой к багажнику сумки, с немислимой скоростью бился о шлем хлястик на вороте его куртки.

Горло болело все сильнее. Пот заливал глаза.

В ушах звучали слова врача. Не первого врача. И даже не второго. Областное светило науки. Очередь к нему, как в мавзолей. Слова подтвердили самое плохое.

– У вас опухоль.

Когда она услышала это в первый раз, заledenело лицо.

Сейчас осталась спокойной.

– Ну я как бы в курсе.

– Повода для расстройства я не вижу. Обычно к злокачественной опухоли подходит кровеносный сосуд, ее питающий. У вас такого нет. Надо оперировать. Пока опухоль маленькая, можно сделать лапароскопию.

Эти слова она уже тоже слышала. Так говорили маме. А у нее оказалась онкология, операция была пять лет назад, затем – два курса химиотерапии, после которых она превратилась в старушку с запавшими висками, тоненькими ручками и просвечивающими через прозрачную кожу черными венами.

Кира повела плечами, прогоняя холодок со спины.

– Я все поняла.

Отец тоже умер от рака. Рак был и у двоюродного брата. Почка. И у бабушки – печень. У дяди – легкие. Рак разнообразен и замысловат. Люди придумали антибиотики, а Бог ответил им раком. Страданий меньше не стало.

«Ему обязательно надо нас чем-то наказывать, воспитывать», – мелькнула горькая мысль. – Победим рак, появится что-нибудь еще, а потом еще! И еще! И так – до бесконечности, до конца истории».

– Боли есть? – спросила знакомая врач в ведомственной поликлинике, куда она пришла на прием повторно.

Врач была практически ровесницей, они учились когда-то давно в одной школе.

– Есть.

– Тянущие? Острые?

– Не знаю, – Кира пожала плечами. – По ночам. Просто больно, и все. Наверное, тянущие.

– По ночам – это плохо.

«Да уж чего хорошего!» – хотела сказать Кира, но промолчала.

– Я запишу тебя на лапароскопию? Это лучше, чем обычная операция. Три прокола – и все. Главное, чтобы опухоль еще не выросла, вырастет – тогда только в онкологию.

Киру передернуло.

Онкология – это шесть человек в палате, неисправный туалет, драный линолеум в коридорах, равнодушные, деловые, всегда занятые врачи, оперирующие до самого вечера.

– Так, – врач заглянула в какую-то тетрадь. – Могу записать на двенадцатое августа. Пойдешь? Лечь в больницу надо будет пораньше, так что будь любезна появится у заведующей числа десятого.

– Пойду.

– До августа попробуй обойтись без нагрузок. Работать можно, но лучше головой, тяжести не таскать, если что – сразу ко мне. Да, за неделю до операции сделаешь биопсию и сдашь анализы. Вот направления.

«Без нагрузок? Ну уж дудки!» – думала Кира в коридоре, сердито сдирая с кроссовок шуршащие синеватые бахилы. – Сидеть на диване и ждать, пока помру? Да ни за что!» – бросила бахилы в мусорное ведро, толкнула тяжелую дверь, вылетела на ослепительное июньское солнце. Зажмурилась от яркого удара.

Тополя шуршали тяжелой листвой на ветру.

«Лучше оторваться в последний раз! А там – посмотрим! Умирать вообще лучше в дороге!»

А ведь не раз и не два думала она о том, что хорошо бы умереть в путешествии. Так, чтобы быстро. От инфаркта там или еще от чего. Или от встречного КамАЗа. Как мотылек. Шпок! И ваших нету! Только вот почему так хочется жить? Увидеть другие страны? Побывать да хоть в том же Китае! Или в Монголии!

«Почему, когда думаешь о смертельных болезнях других людей, все время кажется, что сопротивление их бесполезно? Пора бы и о душе подумать, смириться, покаяться в грехах, подготовиться как-нибудь! А как до тебя самой дело дошло, так вдруг жить захотелось?»

Она ехала в маршрутке и напряженно улыбалась уголками губ.

– Так куда ты собралась? Я не понял, – переспросил Авдей, когда она рассказала ему о планах на ближайшее время.

– Э-э... Ну скажем так: докуда доедем. В идеале б хотелось до Москвы. Круто должно получиться. Деньги есть. Мотики исправны. Цепи и звездочки сменим там, в Москве. Можно будет и в Дивеево заехать, и в Лавру к Преподобному.

– Чуда хочешь? – прямо спросил Авдей жену.

– А почему нет? Я в чудеса верю. И тебе было бы неплохо хоть раз в паломническую поездку съездить, пусть и на мотоцикле.

– Денег хватит?

– Я посчитала, хватит.

– А тебе? На потом?

– А потом суп с котом, – разозлилась Кира. – Биопсия бесплатно, операция – тоже. Про лечение сам все знаешь, видел. А там... Да хоть потоп! А сейчас я хочу в Москву, понял?

Если Кира вбивала себе что-нибудь в голову, остановить ее было трудно. Да Авдей не очень-то и горел желанием останавливать. Байкер на то и байкер, что для него главное – мотоцикл и дорога. К тому же понимал, что ждет их впереди.

Он был даже рад такому настроению жены. Тревожили только обезболивающие таблетки, которые она принимала на ночь.

– А ты выдюжишь? – осторожно спросил он.

Кира коротко вздохнула.

– Ну ты ж знаешь, в дороге приходит второе дыхание.

Это верно. Не раз и не два Кира выезжала в путешествие больной. Однажды прямо перед отъездом ее в автосервисе покусала собака, и распухая от инфекции нога стала черной. Но Кира махнула рукой и поехала. Ехала и пила жуткую смесь антибиотиков. И выздоровела за три дня. Нога, правда, болела потом почти год на смену погоды. Но тут уж мотоциклы были ни при чем. Глубоко прокусила, может, связки задела. Авдей ругал тогда себя, что отпустил жену одну. Кира отличалась и умом, и сообразительностью, и даже в ремонте мотоцикла могла что-нибудь подсказать, но обладала абсолютной, фантастической безалаберностью-невнимательностью. Вот и залетела под сторожевую псину, которая к тому же еще и щенков оберегала.

Хорошо, сторожа рядом были, оттащили овчарку. В общем, по-хорошему за Кирой глаз да глаз нужен. При всем при этом, когда она хотела, могла быть очень наблюдательной и собранной. Женщина, что с нее взять! Ребро без человека, хоть и с высшим образованием. Тем более, что с высшим образованием! Начитанные – они все такие. Голова в облаках, земли не видит, того и гляди, споткнется.

Авдей вздохнул, глянул в зеркало заднего вида, убедился, что все в порядке, Кира по-прежнему ехала сзади. Свет горел, поворотники не мигали, значит, все было нормально!

Дорога вела. Уносились назад светлые березовые перелески и мрачные, темные еловые леса, деревеньки и города, мосты и реки, пригорки и овраги. Навстречу бежало синее небо, в переносицу бил ветер, резало невыносимо-ярким солнцем глаза, и шоссе увлекало все дальше

и дальше от дома. И было уже невозможно остановиться, сделать перерыв в этом упоительном, опьяняющем движении, и рука сама собой то и дело добавляла газу и крепче стискивала руль.

Задохнувшись от встречного ветра, от света, от восхитительных, будоражащих запахов дороги, от восторга наконец, они на время и думать забыли о том, что существует еще что-то, кроме сверкающей трассы М53 с ее стремительными автомобилями, разбивающимися о стекло шлема бабочками и резкими сменами окрестных картин. Перед этим отступало все. Уходили проблемы и недомогания, забывались обиды, несбывшиеся ожидания и тревоги.

Какое отличное обезболивающее – дорога!

Но не на этот раз.

После Тулуна на гравийке Авдей понял, что с «Ямахой» что-то не так. В цилиндре детонировало, словно паяльником прижигало ногу от патрубка глушителя, – двигатель нагрелся. На малой скорости мотоцикл непроизвольно подергивался.

– Что за ерунда?!

Перед поездкой он тщательно проверил аппарат, все было в норме, движок работал, как часики.

– Давай заедем к «Северьяну», – предложила Кира, когда муж на остановке объяснил, что есть проблема. – Там поедим и мотик посмотрим.

Отель «Северьян» был небольшим, но весьма приличным заведением, славившимся среди дальнбойщиков. Здесь было все – комнаты для ночевки, кафе, баня, душ, магазин, заправка и небольшой автосервис. Отель частенько выручал припозднившихся путешественников. Особенно Авдей любил кафе – за блины. Очень дорого, но очень вкусно! Пышные, мягкие, в меру поджаристые. Их подавали с медом, с деревенскими сливками, со сгущенкой. Пальчики оближешь и тарелку в придачу – не удержишься!

После остановки мотоцикл завелся с третьего раза. Встревоженный Авдей дальше ехал небыстро, осторожничал, лишний раз не газовал, все время прислушивался к двигателю. Гулкие хлопки в цилиндре не внушали оптимизма.

Такого с мотоциклом еще не было.

Перестала смотреть по сторонам и притомившаяся с непривычки Кира. Терпеливо «повисла» за «Ямахой» мужа, мечтая не столько о блинах с медом, сколько о кислом, терпком, таком, чтобы сводило скулы, клюквенном морсе.

Быть может, у «Северьяна» есть и такое, кто знает!

До отеля доехали, когда солнце уже клонилось к острым верхушкам черных елей. На площадке перед ресторанчиком стояло множество легковых машин: седанов, минивэнов и внедорожников. Дальше, за гостиницей, пространство было забито громадными, тяжелыми фурами, за которыми даже леса не видно не было.

Возле дверей ресторанчика места свободного – только-только поставить два мотоцикла. Сюда-то и направили свои байки приуставшие путешественники.

Под колесами заскрипел колотый черный камень, которым была отсыпана стоянка.

В маленьком кафе людей – не протолкнуться. Кое-как нашли свободные места за столиком, Авдей положил на скамью шлема и куртки, Кира пошла к кассе – делать заказ.

Байкер внимательно обвел взглядом помещение. Люд здесь собрался обычный. У двери за двумя столиками сидели здоровенные, щекастые, стриженные под машинку мужики в клетчатых рубашках и серых жилетках, затылок одного из них, сидевшего спиной к Авдею, обозначали толстые жировые сладки. Дальнбойщики. Худые среди них – редкость, ну разве что подмастерья или экспедиторы какие-нибудь.

За соседнем столом сидели три кавказца разной степени худощавости и смуглоты. Заказали только гречневую кашу и хлеб. По сторонам не смотрели, занятые едой и разговором. Один из них, правда, все время посматривал в окно – следил за стоянкой. Это, скорее всего, перегонщики. Гонят машины из одного города в другой. Может, по заказу, а может, сами.

Тоже работа.

Остальные столики были заняты отпускниками, едущими на отдых или возвращавшимися с него. Мужики в шортах и в светлых маечках, женщины в коротком – в белом или светло-розовом, детишки в льняных панамках. Загорелые плечи и руки, спокойные, уверенные движения. Эти заняты только собой.

Вернулась Кира, села напротив, пожаловалась:

– Нет у них клюквы! Заказала себе чаю с двойным лимоном, вдруг поможет? Солянку будешь? Я солянку взяла и блины.

– Буду, – откликнулся Авдей и тоже, следом за кавказцем, посмотрел в окно – мотоциклы были на месте, правда, возле них крутился мальчишка лет девяти-десяти. Наверняка из местных, с Алзамая.

Местных тут, в «Северьяне» не кормили, хозяин их не привечал, даже табличка в кафе висела: «Местных не обслуживаем».

«Пацан – это не страшно».

Принесли заказ: горячая, ароматная солянка в горшочках: янтарные капли жира плавают по поверхности, хлеб местной выпечки, долгожданные блины, чай. Кире – с двумя ломтиками лимона, Авдею – с молоком.

Байкер ел молча, быстро. Проглотил солянку и блины, увидел: жена к еде почти не приоткрылась, для вида похлебала остренького бульону, теперь с жадностью пила чай. Блины отодвинула в сторону.

– Ты чего?

Сморщила носик.

– Не хочу.

– Ну тогда я съем.

Не пропадать же добру, в самом деле! Авдей придвинул к себе тарелку с блинами, расправился с ними в два счета, наконец-то почувствовал приятную тяжесть в желудке. В два глотка допил чай, отодвинул тарелки, встал. На его место уже наметился какой-то невысокий вертлявый мужичок в ярко-желтой ковбойке.

Байкер собрал тарелки, двинулся к выходу, поставил тарелки на специальный столик для посуды, и тут его толкнули под локоть. Реакция у Авдея была превосходной, и не одна тарелка на пол не упала – придержал. Недовольно оглянулся, отыскивая глазами наглеца, но увидел только спину, стриженный затылок с двумя выбритыми эсэсовскими буквами-молниями, непонятную татуировку на плече.

Авдея снова толкнули.

Еще один. Такой же худощавый, жилистый, нахальный. Бритая голова, черные джинсы, черная футболка с коловратом во всю спину.

«Прямо мишень, а не коловрат! – усмехнулся про себя Авдей. – Модный чувак!»

И третий – высокий, плечистый детина с приоткрытым ртом и ничего не выражающими глазами. Натуральный «паровоз»! Бритый череп, тяжелые ботинки, камуфляжные штаны.

Кира, подхватив на локоть шлем и куртку, встала, в руках держала чашку с блюдцем. Первый из нациков, как сразу про себя назвал всю троицу Авдей, вдруг взял ее за локоток, наклонился, что-то сказал.

Кира, которая смотрела до этого под ноги, удивленно подняла на него глаза, и Авдей отчетливо увидел, как менялось их выражение – от первой растерянности и удивления до снис-

ходительности и даже легкого презрения. Оно и было из-за чего. «Великий белый человек» был некрасив и носат. Изображая якобы любезную улыбку, он ощерился, и оказалось, что зубов у него не хватает и вверху, и внизу.

Кира чуть насмешливо улыбнулась, от чего нацика передернуло, что-то негромко ответила, прошла мимо двух других нацистов по проходу к Авдею. Первый проводил ее взглядом, напоролся на глаза Авдея, усмехнулся, тонкие губы дернулись. Глаз он не отвел, с вызовом смотрел на мотоциклиста. Авдей двинулся было к нему, но Кира, быстро поставив чашку на столик, схватила мужа за рукав и буквально утащила его к выходу.

– Забей, Авда! Пойдем, мотик посмотрим!

Она была права. Незачем в дороге цирк устраивать. Есть более важные вещи.

На улице по-прежнему светило солнце, от нагретого камня площадки шло тепло, вдали, за колонками АЗС еле слышно вздыхал на ветру лес. Авдей бросил куртку на сиденье, повесил на руль шлем, оглянулся, отыскивая глазами тень.

– Здравствуйте! – сбоку нарисовался тот самый парнишка, который торчал у мотоциклов, когда они ели. – А как называется ваш мотоцикл?

Авдей, который уже взялся за руль, чтобы перекатить мотоцикл, скосил глаза. Ему давно надоели вопросы на тему «сколько жрет, сколько прет», но что-то в тоне пацана заставило его оставить насмешку и ответить вполне серьезно и тоже вежливо. Да и глаза у мальчика были хорошие: светлые и серьезные.

– Привет. «Ямаха», – Авдей налег на мотоцикл и укатил его к шоссе – в тень. Кира решила не мучиться, толкая мотоцикл, села на «Сузуки», с трудом ногами вытолкнула его назад, потом завела, подъехала к Авдею, остановила мотоцикл рядом, спешилась, вытащила ключ из замка, подошла к мужу.

Мальчишка притопал следом. Видимо, его тянуло к мотоциклам, как болтик к магниту, но ни Авдей, ни Кира не могли осуждать его за это – сами такие.

Ни слова не говоря, Авдей отстегнул сумку, навьюченную на багажник, положил на траву обочины, достал плоский ящичек с инструментами, раскрыл, выбрал один из ключей. Затем снял с «Ямахи» сиденье, отсоединил и снял бак.

Мальчишка, еще стесняясь, некоторое время стоял поодаль, затем подошел ближе.

– Сломался? – сочувственно спросил он.

– Есть такое дело! – Авдей был занят тем, что стаскивал со свечи наконечник.

Кира нашла среди инструментов свечной ключ, держала наготове.

– А вы откуда едете?

– С Ангарска, – Кира улыбнулась мальчишке, передала ключ мужу.

– А! Так вы не из далека! Местные. А у вас что за мотоцикл?

– «Сузуки».

– А вот этот мощнее, чем ваш?

– Конечно, мощнее. В этом – двигатель в шестьсот кубиков. А в моем – всего четыреста.

– А скорость? – продолжал расспрашивать мальчишка. – Я вот тут смотрю на спидометре...

– А ты не смотри на спидометр. Обращай внимание на мощность, кубатуру, на крутящий момент... Мой разгоняется максимум до ста десяти километров в час и то с ветром в спину и под горку. А этот по трассе спокойно сто тридцать идет.

Авдей внимательно рассматривал черную от копоти свечу. Что за ерунда? Позавчера, когда проверял мотоцикл перед дорогой, свеча была кирпично-красного цвета! Неужели что-то с зажиганием?

«Не будем делать преждевременных выводов...»

– Дай мне новую свечу, – попросил он жену. – М-м... В правом заднем кармане сумки.

Получил свечу, вскрыл упаковку, вставив в ключ, стал ввинчивать ее на место.

– А как вас зовут? – продолжал расспрашивать мальчишка, и услышав ответ, хмыкнул. – Какие у вас имена... редкие. А меня Лешей. А как там, в городе? Хорошо жить?

– Нормально, – отозвался Авдей. – Шумно только, но зарплаты хорошие, не то, что у вас.

– А хорошие – это сколько? – не отставал пацан.

– Хорошие – это значит, можно покупать японские мотики и еще хватит на бензин, квартплату, еду и одежду.

– А сколько вот такие мотоциклы стоят? – открывшаяся перспектива показалась мальчишке ошеломительной.

– Да ты на эти не смотри, эти старые.

– Ничего себе старые! – удивился Леша.

– Старые. Вот этот – старше тебя. Мой стоит ну что-то около двух тысяч долларов, а синий – ну тысячи полоторы, не больше. А у вас зарплата какая в селе? Тысяч, наверное, восемь – десять?

– По-разному, – по-взрослому вздохнул Леша.

– Работа вообще есть?

– Мало, лесхоз закрылся, многие в город уезжают. Вот и я в город хочу. Я сюда прихожу машины мыть, иногда удается заработать. Седня только работы нет.

– А деньги на что тратишь? – спросила Кира. – Небось, на пиво и сигареты?

– Не, – мальчишка помотал головой, – иногда лапшу покупаю, иногда шоколадки, ну там «Сникерсы» и всякое такое. Иногда и домой чего. Крупы там или хлеба.

– А наркоманы у вас в Алзамае есть?

– Есть, – Леша кивнул. – Много. Я в город хочу. Не хочу здесь...

За разговором Авдей надел на свечу наконечник, поставил на место бак, подсоединил бензошланг, завел «Тенери», послушал. Двигатель завелся неохотно и работал неровно, и Кира тоже услышала это.

– Что, приехали? – забеспокоилась она.

И он, и она уже и думать забыли о компании странно одетых нагловатых молодых людей.

А те, видимо, перекусив, вышли из кафе, загрузились в машину. За руль сел парень в черной футболке, рядом с ним – щербатый, на заднем сиденье развалился верзила. Машина вырлила со стоянки.

Щербатый, посмотрев вперед, вдруг увидел Киру и Авдея. Начал бешено крутить рукоять окна. Стекло нехотя поползло вниз.

– Шлюха жидовская! – громко сказал он с ненавистью, когда машина проезжала мимо мотоциклистов. – Тьху!

Не расслышал этого только мальчишка, который отвлекся, высматривая кого-то возле заправки.

Черные брови Авдея поползли вверх.

– С чего это ты так... сподобилась? И что он тебе в кафе сказал? И еще, – до него только сейчас дошел смысл ругательства. – Я что, похож на еврея?

– Вопросы, вопросы, – вспыхнувшая Кира довольно зло прищурилась. – Главное, эпитет в мой адрес тебя, видимо, не тронул! Первое – не знаю, второе, – Кира наклонилась к мужу, чтобы не слышал мальчик, – он сказал: «Ути-пути, мотоциклисточка! Поцелуешь, дам сто рублей!» – и уж тут настала очередь Авдея краснеть от злости, – а в-третьих, ты похож на киргиза. На синеглазого, большого и очень симпатичного киргиза.

Авдей сердито отвернулся от жены, засопел, занялся мотоциклом: снова отсоединил бензошланг, снял бак, стащил наконечник свечи, заглянул в него.

Леша с и интересом наблюдал за мотоциклистами.

– Что за оказия такая? – Авдей ткнул внутрь наконечника отверткой. – О! Нашел! Контакт вывернулся! – он мгновение размышлял над проблемой. – В Тулуне бензина левого хватули, не иначе. От детонации и отвернулось, – он закрутил контакт, поставил наконечник свечи на место, стал собирать мотоцикл.

Поставил на место бак, завел «Ямаху», послушал – двигатель работал без перебоев. Авдей удовлетворенно кивнул, поставил на место сиденье.

– А вы в городе куда-нибудь ходите? Ну там, в клубы всякие? – заторопился с расспросами мальчишка, видя, что байкеры стали собирать вещи и инструменты.

– Нет, Леха, в клубы мы не ходим. Есть два правила в жизни. Первое – не пить, не курить и не колоться. И второе – не ходить по клубам. Лучше иметь какое-нибудь увлечение. Вот мотоциклы, например. Ну или как я, дом строить за городом, – Авдей подмигнул мальчишке. – Будешь ходить по клубам, будут тебе неприятности. Это ты помни, как в город попадешь. Нам, деревенским, это помнить надо. Да и неинтересно там, – принялся поучать пацана Авдей.

– А вы деревенский?

– А как же! – Авдей оживился. – Я, парень, с Якутии. Все детство в деревне прожил, пока мамка с папкой в город не переехали.

– А вы русский?

– Я гуран. Бабушка у меня местная была. Ну вот, стало быть, я на три четверти русский, а на четверть якут! – байкер подмигнул мальчишке.

– А жена у вас русская?

Кажется, пацан все-таки услышал ругательство.

– Имя у вас, – сказал он Кире, как бы извиняясь, – такое... Я и не слышал никогда.

Авдей усмехнулся, взглянул на Киру, который уже успела надеть подшлемник и шлем, только глаза было видно да вздернутый носик.

– А пусть она сама скажет.

– Я, молодой человек, природная русачка с изрядной примесью тюркских кровей. Короче. сибирячка я! – ответила Кира. – Понял? А имя у меня православное. На вот! Просто в благодарность за хорошую компанию, – она протянула мальчишке немного денег, и тот обрадованно схватил их.

– Ух ты! Спасибо!

– Одно прошу – не покупай на них вонючие папиросы! Гадость это.

Кира уже была на мотоцикле, застегивала последние хлястики и молнии, Авдей надел шлем, взгромоздился на «Ямаху», ткнул толстым от перчатки пальцем в стартер.

– Ну пока, Леха! – кивнул пацану. – Раста хорошим человеком, слышишь?

Мальчишка согласно закивал. Кира махнула рукой, посигналила, и они выехали на пустынное шоссе.

Авдей, который уже во второй раз успел забыть об инциденте, – он вообще плохое забывал быстро, – спохватился: а в какую сторону уехали эти нацики?

«В нашу! Попутчики, стало быть! Плохо. Надо было еще задержаться на стоянке. Хотя... может, они местные? Номера точно нашего региона. До Тайшета тут всего-ничего, километров сорок – шестьдесят, не больше. Не успеем догнать.

Но они успели.

Авдей издали заметил серую машину, притулившуюся прямо посреди колдобин на разбитом гравийном участке шоссе. Парень в черной футболке с коловратом, открыв капот, видимо, пытался оживить колымагу. Верзила сидел в машине, выставив на дорогу ноги и пил пиво из огромной пластиковой бутылки. Щербатый стоял на середине шоссе и высматривал машины, поглядывая то в одну, то в другую сторону.

Кира, как назло, довольно сильно отстала от мужа, и Авдей загодя стал притормаживать, поджидая жену. Кира не торопилась, и сколько он не ждал, а все-таки пришлось поравняться с машиной. Щербатый бросился ему наперерез, нелепо размахивая руками. Авдею пришлось притормозить.

В кафе он не рассмотрел, но сейчас увидел: на месте глаз у щербатого находились две дырки, словно двустволка вдруг обрела лицо и смотрела сейчас прямо на байкера. Скорее всего, этот тип не простит и не забудет любой не то чтобы снисходительности, но даже небрежности в свой адрес. Может быть, и оказался он здесь не просто так, – наверняка выкинуло мутным водоворотом событий на далекий сибирский берег, а может, и того хуже – скрывается.

Авдей по роду занятий знал, – многие преступники считают, что в малолюдных местах скрыться легче. Уезжают в села, в Якутию, на Камчатку, думая, что никто и никогда не найдет их там.

Зря они так думают!

Байкер остановился, вопросительно глядя на щербатого и придерживая сцепление. Краем глаза увидел: Кира совсем рядом.

«Ну скорее же!..»

– Привет, братела! – лицо щербатого пыталось изобразить приветливость, но это удавалось плохо. – Тут у нас проблемка махонькая нарисовалась, помоги, а?

– Че надо? – в тон щербатому спросил Авдей.

– Ключ «на тринадцать»!

– А че случилось, с машиной что-то? – Авдей тянул время.

Щербатый оглянулся на шум «Сузуки», мгновенно узнал Киру, но виду не подал, вроде и не было ничего.

Авдей махнул жене рукой, мол, проезжай быстрее! Кира все поняла, поддала газу, мотоцикл завиял по колдобинам.

– Да что с машиной? Ремень гэрээм проскальзывает, подтянуть надо. Проблемка-то – сущий пустяк, видишь, а ключа нет, вот в чем беда, – щербатый жадно следил глазами за мотоциклисткой.

Авдей вдруг почувствовал, словно его душат, – так велико было желание убить щербатого. Он даже удивился такой своей реакции. Опасных и неадекватных людей вокруг много, нельзя так реагировать на каждого.

Кира миновала разбитый участок дороги, выехала на асфальт и вот-вот должна была скрыться за поворотом. Авдей знал, что жена может в любой момент затормозить, бросать его в опасной ситуации не входило в ее привычку, он это помнил.

– Да видишь ли, нету у меня ключика «на тринадцать», – сказал он щербатому, чуть подгазовывая.

– Ну как нет-то! Я ж видел, ты возле кафе мотик ремонтировал!

– Ремонтировал, – согласился Авдей. – Да только ключа такого нет у меня. Не нужен он мне.

– Врешь! – разозлился Щербатый. – А ну-ка слазь! – он угрожающе схватился за руль «Ямахи». – Щас поглядим, какие у тебя там ключи!

Авдей напрягся. Верзила перестал сосать пиво из бутылки и предпринял попытку вырваться из тесного салона машины.

– Руку убери, – тихо сказал Авдей, нащупывая землю для упора.

И тут произошло непредвиденное: из багажника машины донесся стук. Там кто-то был!

Авдей отреагировал быстро. Уперся ногами в землю, привстал, удерживая мотоцикл левой рукой, резко ударил щербатого. Бил так, чтобы сразу с ног долой. Щербатый упал. Авдей открутил ручку газа, и «Ямаха», словно огромный белый конь, скакнула вперед.

Сзади заматерились. Авдей знал: оружия при Щербатом не было. Некуда его было прятать – майка да сползающее трико. И вот у парня с коловратом запросто мог быть пистолет! Или в машине, у верзилы.

– Помоги, Господи!

Мотоцикл закидало по ямам и рытвинам, подвески заходили ходуном, Авдей на миг привстал на подножках, облегчая «Тенере» работу, но как только «Ямаха» вылетела на асфальт, сел, наклонился к баку, почти лег на него, ожидая сзади выстрела.

Но выстрела не последовало: впереди показался огромный двухэтажный автобус «Мерседес» с новосибирскими номерами, проехал мимо мотоциклиста, затормозил, свернул на встречную, чтобы объехать ухабы, заслонил своей машиной «Ямаху»...

Авдей прошелкал всю коробку передач с невиданной скоростью и буквально просвистел мимо жены, которая, как он и думал, ждала его за поворотом.

Кира бросилась догонять мужа.

До поворота на Тайшет долетели за десять минут. На АЗС, куда они свернули, Авдей махнул Кире рукой, мол, подожди, и побежал к охраннику:

– Есть городской телефон? Срочно!

Через десять минут к заправке подкатил полицейский УАЗ. Пока Авдей объяснялся с полицейскими, размахивая руками, Кира сидела на бордюре, подложив под зад обрезок туристического коврика, и мечтала о горячем чае, парацетамоле и какой-нибудь ядерной таблетке от боли в горле. Но под рукой были только холодная минералка и гомеопатические немецкие таблетки. За аптечкой надо было лезть далеко в навьюченные сумки. Поэтому она методично, одну за одной, жевала гомеопатические таблетки. Таблеток в блистере было много, они были приятного, чуть сладковатого вкуса.

«Вдруг поможет?»

Она думала о том, что теперь придется долго ждать. Все, что касалось полиции, в ее сознании было твердо связано с длительным ожиданием и с потерей времени, причем часто бесполезной. Но на этот раз дело, кажется, касалось чьей-то жизни, это она поняла по обрывочным фразам Авдея, и поэтому Кира была готова подождать. Вот только горло болело и очень хотелось лечь.

Кира удивилась, когда Авдей и плечистый полицейский пожали друг другу руки, явно прощаясь, и муж подошел к ней.

– Чего расселась? Мотики заправляем и дальше рвем.

Не поверила ушам.

– Дальше?!

– А ты надеешься, нас с тобой на задержание возьмут? – Авдей хохотнул.

Кира поежилась.

– А если их не задержат? Вдруг мы их потом на трассе встретим?

– Я дал свой телефон, сержант обещал позвонить, если что, – Авдей нахмурился, глянул на часы.

Почти восемь вечера. По идее, через пару часов надо вставать на ночлег. Ну да за два часа они могут улететь отсюда километров на сто пятьдесят – сто семьдесят. Своротов с трассы, куда можно съехать, тут много. Надо обладать какой-то особой невезучестью, чтобы еще раз встретиться с отморозками.

Невезучим Авдей себя не считал.

– Поехали!

Кира протянула мужу руку, и тот одним сильным движением поставил ее на ноги.

Молодая женщина застегнула шлем, завела мотоцикл, села на него, и виртуозно развернувшись, подъехала к свободной колонке. За ней подкатил свою большую «Ямаху» Авдей.

Через десять минут они снова были на трассе.

«Удивительно, как быстро остывает воздух!» – думала Кира, глядя как острые черные ели колют своими верхушками бок раскаленного солнца.

И действительно, стоило им съехать в низину, как их обдавало волной холода и запахом грибов, прелых листьев, болота, земли.

«Ничего необычного, – тут же одернула Кира себя, – начало июня, земля еще не прогрелась, как следует. Ночью будет холодно. Ну в общем-то, все как обычно. Жаль только, что я заболела. Странное дело. Никогда в дороге не болела. Ни разу за... Сколько же лет я езжу на мотике? – она быстро посчитала в уме. – Восемь лет? Нет, уже десять. Целая жизнь!»

Голова раскалывалась. Морозило. Поток холодного воздуха подныривал под стекло шлема и бил точно в нос.

Кира шмыгнула, проверила, опущено ли до конца стекло, и понеслась вперед – догонять мужа, красно-черная куртка которого виднелась далеко впереди.

На ночлег остановились, когда стало смеркаться. Свернули с трассы, проехали перелесок и по заросшей дороге по краю леса уехали как можно дальше от шоссе. Тут Авдей поосторожничал: еще раз свернул от дороги – в комариные заросли молодых сосенок.

Отыскали ровное место, быстро, привычно разбили бивуак. Как только установили палатку и развернули коврики, Кира нырнула внутрь – сменить промокшую от пота футболку, да так и осталась там, наружу уже не выходила.

Авдей, отмахиваясь от надоедливой мошки, вскипятил на примусе чаю, порезал бутербродов. От еды Кира отказалась, запила быстро остывавшим чаем таблетки из аптечки, залезла в спальник, затихла.

Авдей еще долго, со вкусом, швыркал горячим чаем, шупал костяшки пальцев, смотрел на далекие огни деревни в низине, на синий от сумерек лес и слушал, как пронзительно совсем рядом кричит незнакомая ночная птица. Пахло влажной травой, землей и откуда-то сбоку, от леса то и дело наплывал запах смолы и хвои.

Телефон держал под рукой, то и дело посматривал на шкалу – прием был, пусть неуверенный, всего два деления шкалы, но был. Несмотря на то, что Авдей ждал звонка, он все-таки вздрогнул, когда в тишине леса раздались резкие трели. Звонил тот самый сержант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.